

А.Г. Алексанян

Глас Дхармы в Поднебесной: актуальные проблемы изучения буддийского китайского языка в китайском языкознании в XX–XXI вв.

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению и анализу достижений китайских лингвистов в новом направлении историко-грамматических исследований — изучении буддийского китайского языка. Буддийский китайский язык представляет собой одну из разновидностей среднекитайского языка, сформировавшуюся на основании живого разговорного языка средневекового периода и литературного письменного *вэньяня*, обладая при этом целым рядом особенностей. Возникнув первоначально как язык переводов буддийских текстов, эта разновидность среднекитайского постепенно развилась в самостоятельный язык, не только используемый в общении членами буддийской общины, но и оказавший влияние как на живой язык повседневного общения, так и на письменный литературный язык того времени. За четыре десятилетия изучения текстов, написанных на этом языке, китайские исследователи сделали немало важных для истории китайского языка выводов, затрагивающих самые разные сферы языкознания: от фонетики и вопросов варьирования иероглифов до проблем лексикологии и семантического изменения слов. В данной статье анализируются основные темы и достижения, полученные китайскими лингвистами, а также намечается ряд проблем и вопросов, которые представляются недостаточно разработанными.

Ключевые слова: буддизм, буддийский китайский язык, историческая грамматика, китайское языкознание.

Автор: Алексанян Армен Гургенович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: armengurgen@gmail.com

А • G • 阿列克萨尼扬

天朝佛法之声：20–21 世纪汉语语言学中佛教汉语研究的现实问题

摘要：本文考察并分析了中国语言学家在佛教汉语研究这一历史语法研究新领域所取得的成就。佛教汉语是中古汉语的变种之一，由中世纪的白话口语和书面文言演变而来，具有许多独特的特征。这种中古汉语变体最初是作为翻译佛经的语言而发

展起来的，后来逐渐发展成为一门独立的语言，不仅用于佛门弟子之间的交流，还影响了当时的日常口语和书面文言。经过四十余年对佛教汉文文献的研究，中国学者为汉语史做出了许多重要结论，涉及从语音学、汉字变形到词汇学和语义变化的诸多语言学领域。本文分析了中国语言学家的主要研究课题和成就，并概述了一些尚未得到充分研究和解决的问题。

关键词：佛教；佛教汉语；历史语法；汉语语言学

作者：阿尔缅·古尔格诺维奇·阿列克萨尼扬，哲学副博士，俄罗斯科学院中国与
现代亚洲研究所中国文化研究中心首席研究员。E-mail : armengurgen@gmail.com

Armen G. Aleksanyan

The Voice of Dharma under Heaven: Current Issues in the Study of Buddhist Chinese in Chinese Linguistics in 20th-21st Centuries

Abstract. This paper focuses on research and achievements of modern Chinese linguists in a new field of historical grammatical studies — the so-called Buddhist Chinese. Buddhist Chinese is considered a variety of Middle Chinese, which was based on vernacular Medieval Chinese and the written literary language *wenyan*, yet developed its own specific features. Initially emerging as a language of Buddhist sutras translation, this variety of Middle Chinese subsequently evolved into a distinct language used for communicative needs of Chinese *sangha*, which influenced both the vernacular and the written literary languages of the Medieval period. In the past 40 years of studying texts written in this language, Chinese linguists have made many discoveries ranging from issues of phonetics and so-called ‘vulgar characters’ to questions of lexicological and semantic transformation. This article analyzes the most significant themes and issues explored by Chinese historical linguists and attempts to identify problems that remain unresolved or have not yet been addressed.

Keywords: Buddhism, Buddhist Chinese, historical grammar, Chinese linguistics.

Author: Aleksanyan Armen, PhD (Philosophy), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. E-mail: armengurgen@gmail.com

Проникновение буддизма в Китай в первые века I тыс. н.э. и его быстрое и успешное распространение там являются тем самым фактором, который без сомнения оказал существенное влияние на всю ранне- и позднесредневековую культуру этой страны, начиная от изменения религиозно-идеологической физиономии того времени (влияние буддизма на автохтонные религиозно-философские учения бесспорно, тем более это справедливо для т.н. простонародной культуры) и заканчивая архитектурой и искусством (религиозно-культовые сооружения, скульптура, живопись, литература).

Из поля зрения исследователей, однако, до недавнего времени (вторая половина XX в.) выпадал — если и не полностью, то по крайней мере в качестве важного — та-

кой вопрос, как средство, с помощью которого это пришло для Поднебесной учение смогло так быстро и успешно завоевать себе одно из главных мест в китайской культуре — а именно *язык*¹, посредством которого осуществлялась проповедь учения Будды².

Несомненно, к проблеме языка китайского буддизма исследователи обращались уже на ранних стадиях (конец XIX в.) формирования буддологии, однако по-настоящему системно изучением особенностей китайского буддийского языка ученые занялись только во второй половине прошлого века, обратив внимание на его особенный характер и важную роль в формировании среднекитайского, а затем и *байхуа* — языка, во многом основанного на живой разговорной речи.

К концу 80-х — началу 90-х гг. XX в. за этой разновидностью языка закрепилось название «буддийского китайского» или «буддийского гибридного китайского» (*фозцяо хунхэ ханьюй* 佛教混合漢語) (термин введен китайским исследователем Чжу Цинчжи³; ряд других ученых (В. Мэйр) предлагали аналогичный термин *Buddhist Hybrid Sinitics*). Наиболее плодотворные годы в изучении буддийского китайского языка приходятся на конец 90-х — начало 2000-х гг. — именно в это время появляются исследования, затрагивающие целый спектр лингвистических проблем, среди которых целесообразным кажется отметить следующие.

Фонетические проблемы китайских буддийских текстов неразрывно связаны с вопросами исторической фонетики китайского языка и в силу этого уже в первой половине XX в. привлекли внимание крупных исследователей, занимавшихся изучением и реконструкцией исторической фонетики средне- и древнекитайского языка (Б. Карлгрен, А. Масперо, А. фон Сталь-Гольштейн), использовавших материал этих текстов как источник для возможной реконструкции фонетического состава языка названных исторических этапов.

Особую ценность китайские буддийские тексты представляют тем, что в них средствами китайской письменности передаются слова не-китайского (индоиранские языки) происхождения и таким образом обратное сопоставление (санскр. — кит.) позволяет с определенной долей вероятности восстановить возможный фонетический состав языка тех периодов, когда были выполнены переводы на китайский язык той или иной сутры.

Условно в сфере исследования фонетических и фонологических вопросов языка буддийских китайских текстов можно выделить следующие направления⁴.

¹ Мы не случайно выбрали в заголовок словосочетание *фаинь* 法音 «глас Дхармы, звуки учения Будды», поскольку оно имеет также и значение «языка буддийских священных текстов». Ср. носящее аналогичное название китайское буддийское периодическое издание.

² Более подробно историю и этапы переводческой деятельности буддийских миссионеров в Китае см., например, Введение в буддизм. СПб., 1999. С. 266-294.

³ Данная статья посвящена работам именно китайских исследователей, оставляя в стороне работы западных и японских ученых (напр., замечательные лексикологические труды Сэйси Карасима и пр.), ничуть, разумеется, не умаляя их заслуг.

⁴ Подробный анализ новейших работ в области фонетики языка буддийских китайских текстов см. [Чжу Цзянин 2009].

1. Работы, посвященные «санскритско-китайской транскрипции» (*фань-хань дуйинь* 梵漢對音).

К фонетическим материалам, содержащимся в буддийских китайских текстах, в более широком контексте общefonетических исследований средне- и древнекитайского языка, исследователи обращались уже с начала XX в. [Schlegel, 1900; Karlgren, 1915; Maspero, 1920], однако катализатором, буквально запустившим «цепную реакцию» работ, касающихся именно буддийского варианта китайского языка и произведений, на нем написанных, послужила опубликованная в 1923 г. (в переводе на китайский Ху Ши 胡適) в журнале «Госюэ цзикань» 國學季刊 статья русского (остзейского немца) по происхождению буддолога и санскритолога барона А. фон Сталь-Гольштейна (A. von Stael-Holstein, кит. *Ган Хэтай* 鋼和泰) «Транскрипция санскритских произведений и древнекитайское произношение» (*Инью Фань шу юй Чжунго инь* 音譯梵書與中國古音). Сталь-Гольштейн в данной работе опирался на тексты сунской эпохи и материалы словаря рифм «Це юнь» (切韻), приведенные в работе Карлгрена, подчеркивая чрезвычайную ценность китайской транскрипции санскритских слов для восстановления фонетического облика средневекового китайского языка, особенно выделяя важность передачи иноязычных звуков средствами китайской письменности — в частности, т.н. санскритских заклинательных формул *дхарани* (ми чжоу 密咒).

Реакцией на эту во многом пионерскую работу стала статья Ван Жунбао 汪榮寶, посвященная попытке реконструировать звучание слов, входящих в некоторые «категории рифм» в до-сунскую эпоху (категории *гэ* 歌, *гэ* 戈) и в период, предшествовавший эпохам Вэй-Цзинь 魏晉 (220–420 гг.) (категории *юй* 魚, *юй* 虞, *мо* 模) — «Исследование древнего чтения категорий [рифм] *гэ* 歌, *гэ* 戈, *юй* 魚, *юй* 虞, *мо* 模» (*Гэ гэ юй юй мо гуду као* 歌戈魚虞模古讀考). Опираясь на предложенные в статье Сталь-Гольштейна методологические наблюдения, Ван Жунбао привлек наряду с японским чтением иероглифов данных категорий (т.н. каньон 漢音 и гоон 吳音) и широкий материал буддийских транскрипций.

Обе эти работы привлекли интерес исследователей китайской исторической фонетики к материалу буддийских текстов, вызвав нешуточную теоретическую дискуссию, в которой определились как сторонники (в частности, Линь Юйтан 林語堂), так и противники (например, Чжан Бинлинь 章炳麟) идей Сталь-Гольштейна и Ван Жунбао⁵. Несмотря на спорный характер некоторых утверждений и доказанную позднее ошибочность выводов, работа Ван Жунбао имела для историко-фонетического изучения буддийских текстов большое значение.

Однако по-настоящему прорывными и во многом определившими дальнейший вектор исследований стали труды выдающегося китайского лингвиста, специалиста по исторической фонетике Ло Чанпэя 羅常培, написанные в 30-е гг., среди которых особенно важна его монография, посвященная реконструкции северо-западного диалекта китайского языка танского периода (*Тан Удай сибэй фаньинь* 唐五代西北方音)

⁵ Подробнее о дискуссии и ее участниках см. [Чжу Цинчжи, 1999, с. 305].

[Luo, 1933]⁶. В данной работе Ло Чанпэй привлекает широкий материал не только китайских «транскрипций», но и тибетско-китайских сопоставлений, а также вводит в научный оборот т.н. дуньхуанские материалы, особенно подчеркивая их ценность для исторической реконструкции фонетического состава среднекитайского языка⁷.

Военный и послевоенный периоды (вплоть до 70-х гг.) в силу понятных обстоятельств отмечены крайне небольшим по количеству, но важным по содержанию числом работ китайских лингвистов, занимавшихся фонетическими вопросами буддийских китайских текстов. Среди них следует упомянуть статьи Лу Чживэя 陸志偉 и Ли Жуна 李榮 (1947 и 1945 гг. соответственно), посвященные изучению и уточнению ряда фонетических проблем в исследовании словаря рифм «Це юнь» с широким привлечением материала буддийских «транскрипций»; работы крупного исторического лингвиста Чжоу Фагао 周法高 по вопросам истории «ровных» и «косых/ломанных» тонов (*пин цзэ* 平仄) и китайской «транскрипции» санскритских церебральных шумных смычных *t* и *d* (1948 и 1949 гг.). С 50-х до конца 70-х гг. число работ (особенно в КНР) катастрофически сокращается в силу исчезновения специалистов по буддизму и потери интереса к буддийским фонетическим «транскрипциям»: следует отметить программную статью Чжоу Дафу 周達甫 «Как исследовать санскритско-китайские переводы и транскрипцию» (*цзэньян яньцзю Фань-Хань фаньи хэ дуйинь* 怎樣研究梵漢翻譯和對音) (1957); работу Чжан Цинчана 張清常 1963 г., посвященную фрагментам «Алмазной сутры» и важности содержащихся в ней транскрипций для реконструкции открытого Ло Чанпэем северо-западного диалекта эпохи Тан; полемический ответ (1957 г.) Цзи Сяньлина 季羨林 на статью Чжоу Фагао 1949 г.

Ситуация начинает меняться только с начала 80-х гг.: в 1979 г. выходит капитальный труд Юй Миня 俞敏 «Таблицы санскритско-китайских фонетических соответствий эпох Поздняя Хань и Троецарствия» (*Хоу Хань Саньгу Фань-Хань дуйинь* 後漢三國梵漢對音譜) [Yu, 1999, p. 1–63].

Богатая по подбору материала (главным образом — буддийские тексты) и содержащая ряд интересных открытий и наблюдений (в частности, по специфике системы инициалей и прямых/косых рифм, обнаружению некоторых фонологических явлений в середине слога и пр.) в истории языка этих периодов, работа Юй Миня стала поистине межевым столбом, с которого можно вести отсчет новой эпохи в изучении фонетики среднекитайского языка буддийских сочинений.

Целая плеяда учеников и последователей, воспитанных Юй Минем, успешно продолжила его дело, подробно исследовав и описав буддийские транскрипции языка трех периодов — эпох Суй 隋, Тан 唐 и Сун 宋. С 1983 по 1998 г. выходят статьи Ши Сяндуна 施向東, Лю Гуанхэ 劉廣和, Не Хуна 聶鴻, Чу Тайсуна 儲泰松, Чжан Фупина 張福平 и Юйчи Чжипина 尉遲治平, касающиеся вопросов системы инициалей в диалекте Чаньани периода Суй-Тан, проблемы тонов и пр. с опорой именно на буддийские тексты и труды буддийских лексикографов того периода. Кроме учеников и по-

⁶ Его труд в области изучения «северо-западного диалекта» был с успехом продолжен современными исследователями. См., например, [Coblin, 1999], [Takata Tokyo, 1988].

⁷ Примечательна научная трезвость Ло Чанпэя, в одной из работ предупреждавшего читателей, что реконструкция фонетики остается в конечном итоге лишь грубым абрисом, условным изображением реального произношения (...至多只能算是中國古音最粗的一箇輪廓罷了...).

следователей Юй Миня в 90-е гг. были опубликованы работы Ли Вэйци 李維琦 (1988), Май Юнь 麥耘 (1991), Чэнь Юньлуна 陳雲龍 (1992), Тань Шибao 譚世寶 (1996 и 1997), затрагивающие вопросы реконструкции фонетического состава среднекитайского языка на основании буддийских текстов разного характера: от фонетических особенностей транскрипций из текста «Да Тан Си юй цзи» (大唐西域記) до специфики передачи не китайских слов при помощи письменности *сиддхам*⁸.

2. Исследования, касающиеся специфически китайской категории комментаторско-текстологической традиции, именуемой *инь и* 音義 (буквально «звук и смысл»), посвященной истолкованию и объяснению трудных или непонятных иероглифов, их сочетаний (иногда — даже целых предложений); внутри этой области можно выделить работы, исследующие чтение иероглифа по методу *фаньце* 反切 (букв. «расщепление»), посвященные возникновению системы «четырёх тонов» (*сы шэн* 四聲), анализирующие возникновение т.н. системы *цзы му* 字母 (графема, «буква») и развитие фонетических таблиц (*юнь ту* 韻圖) и связанной с ними классификации «рифм» (*дэн юнь* 等韻)⁹.

Уже в первой половине XX в. китайские исследователи стали задаваться вопросом об источнике происхождения системы *фаньце* и «четырёх тонов», полагая, что в их создании (или по крайней мере окончательной обработке) чувствуется сильное влияние индийской лингвистической традиции (восходящей к Панини и его «Восьми-книжью»).

Поэтому неудивительно, что уже в 20-е гг. такие исследователи, как Лю Фу 劉復, У Чжихуэй 吳稚暉, Чэнь Инькэ 陳寅恪, вполне правомерно задавались вопросом об источниках, которые использовал Шоувэнь 守溫 для своего списка начальных согласных (*саньши* [лю] *цзы му* 三十[六]字母)¹⁰. Исследователи сходились во мнении, что в основе и системы «четырёх тонов», и списка *цзы му* может лежать индийская лингвистическая традиция в той форме, как она преподавалась буддийским монахам во время их обучения в буддийских монастырях-училищах (напр., Наланда), спроецированная таким образом монахами-китайцами на родной язык. В середине 80-х Юй Минь выдвинул предположение о том, что формирование ряда фонетико-фонологических категорий традиционной китайской науки могло вдохновляться т.н. письмом *сиддхам*. В статье Чжу Цзянин 竺家寧 (1991) проводилась связь между проникновением буддизма в Китай и развитием т.н. *юнь ту* (фонетических таблиц, букв. «таблиц рифм»).

Фонетические проблемы метода *фаньце*, применяемого в комментаторской системе *инь и*, неразрывно связаны с именами двух буддийских монахов — составителей крупных комментаторских компендиумов, носящих название «Произношение и значение [слов, встречающихся во] всех сутрах» (*Ице цзин инь и* 一切經音義) — Сюаньина 玄應 (1-я пол. VII в.) и Хуэйлиня 慧琳 (начало IX в.). Весьма примечательно, что

⁸ Подробнее об этих работах см. [Чжу Цинчжи 1999, с. 309–310].

⁹ Подробнее об особенностях традиционной китайской фонетики см. главы выдающегося отечественного лингвиста-синолога С.Е. Яхонтова в коллективных монографиях [Яхонтов 1980; Яхонтов 1981].

¹⁰ Подробнее о Шоувэне и его системе начальных согласных см. [Яхонтов 1980, с. 106].

сравнительно небольшое число работ касательно фонетических особенностей двух этих компендиумов, вышедших в XX в. (Хуан Цуйбо 黃淬伯 (1930), Чжоу Фагао 周法高 (1948), Ван Ли 王力 (1980), Се Мэйлин 謝美齡 (1990)), в первые годы XXI в. было компенсировано прямо-таки в экстенсивной форме — вышло не менее нескольких десятков статей и исследований, посвященных непосредственно текстам Сюаньина, Хуйлина и их последователей, причем тематика исследований варьируется от вопросов чисто историко-фонологического характера до специфики использования «нестандартных» иероглифов (*сути цзы* 俗體字) для передачи определенных понятий или терминов, проводятся сопоставительные исследования текстов «Ице цзин инь» с аналогичными, но не-буддийскими сводами-комментариями и т.н. словарями (типа «Шовэнь цзецзы») ¹¹.

К области изучения фонетических проблем языка китайских буддийских текстов непосредственно примыкает сфера исследований, связанных с вопросами *словообразования, лексической семантики и лексикологии*.

Китайские исследователи лексикологии (историческая лексикология, проблемы словарного запаса, вопросы словообразования) до начала 90-х гг. обращались к материалу буддийских китайских текстов сравнительно редко (исключение могут составлять работы Чжан Юньяня 張永言, Цзян Лихуна 蔣禮鴻 и немногих других) и скорее в контексте общего изучения китайской лексики; однако серьезный поворот к изучению собственно буддийской лексикологии в самых разных ее аспектах (словообразования, вопросы суффиксации, семантических изменений, особенностей структуры слова) начался только в самом конце XX в.

В целом в сфере лексикологических исследований китайского буддийского языка можно отметить следующие области, привлечшие наибольшее внимание ученых ¹².

1. Изучение «редких» или «проблемных» ¹³ слов (*инань цы* 疑難詞), ставшее предметом внимания главным образом лексикографов, пионером среди которых в этой области по праву считается Цзян Лихун, составивший еще в 1959 г. толковый словарь встречающихся в дуньхуанских *бяньвэньях* необычных слов (выдержавший несколько дополненных переизданий и не утративший своей актуальности и по сей день) [Jiang, 1998]; кроме него следует отметить лексикографические труды по буддийской лексике Ли Вэйци 李維琦, Цэн Чжаоцуна 曾昭聰 и Чжан Тин 張婷, толковые

¹¹ Детальный, хотя и очевидно неисчерпывающий перечень работ (с кратким описанием и анализом основных положений) см. [Чжу Цзянин 2008]; мы ограничиваемся здесь лишь самой общей характеристикой данного ряда работ в целях экономии места.

¹² Более подробный обзор и анализ новейших работ см. [Чжу Гуаньмин 2021], [Чжу Цзянин 2000].

¹³ Мы вынуждены использовать эту не совсем удобную терминологию во избежание путаницы, могущей возникнуть в связи с термином «сложный» в русском языке, имеющим значение «проблемный, непростой» и «многосоставный» (в отличие от «простого», «несложного»), т.к. в китайском языкознании (в сфере лексикологии) имеется термин «сложные слова» *фухэ цы* (複合詞), который обозначает слово, состоящее из более чем одной слогоморфемы (подробнее см. [Горелов 1984, с. 20–22]).

лексиконы Цай Цзинхао 蔡鏡浩, Ван Юньлу 王雲路 и Фан Исиня 方一新¹⁴, посвященные историческому анализу буддийской лексики статьи Ли Гоина 李國英, Фан Исиня, Чжан Сяояня 張小豔, Ван Чанлиня 王長林 и ряда других исследователей исторической лексикологии.

2. Связь буддийской лексики и истории развития «часто используемых слов» (*чанъюн цы* 常用詞) в китайском языке привлекла внимание специалистов по лингвистической семантике, проследивших процессы изменения лексического значения наиболее часто используемых в буддийских текстах слов (а также групп слов, т.е. фразеологических единств) и этапы и механизмы их проникновения в живой повседневный язык (статьи Ван Вэйхуэя 汪維輝, Юй Лимина 俞理明 и Тань Дайлуна 譚代龍, анализ изменения семантических полей в частотной буддийской лексике в работах Цзян Лили 姜黎黎 и Цзян Синлу 姜興魯).

3. Междисциплинарный подход на стыке текстологии и языкознания (филологии в более широком смысле слова), предполагающий использование методов сопоставительной текстологии (сравнение исходных санскритских оригиналов с их китайскими переводами) и сверки текстов разных переводов одного и того же произведения в целях выявления и установления механизмов формирования собственно словарного фонда буддийского китайского языка и процессов, способствовавших образованию «новых» (для китайского языка) слов. Данный комбинированный метод уже дал некоторые интересные для исторической лексикологии китайского языка результаты (см., например, статьи Чжу Гуаньмина 朱冠明 и Дуань Цина 段晴, Цю Бина 邱冰, Цзян Аошун 江傲霜, Ван И 汪禪 и других, посвященные исследованию с применением данной методики отдельных сутр и содержащейся в них лексики).

Исследование истории проникновения иноязычной, т.е. новой для китайского языка буддийской лексики, в живой разговорный язык и механизмов ее усвоения привлекало к себе уже таких крупных специалистов, как Ван Ли 王力, обратившего внимание на три слоя буддийской лексики, вошедшей в словарь китайского языка: узкоспециальные слова, применявшиеся только буддийскими учеными-монахами (и им одним, соответственно, понятные¹⁵) типа *божэ* 般若 ‘парамита’, *юпосэ* 優婆塞 ‘упасака’ (по большей части представляющие собой «транскрипцию» соответствующего санскритского слова); слова буддийские, но уже проникшие в мирской обиход и употребляемые в живом языке (типа *хэшан* 和尚 ‘монах’, *пуса* 菩薩 ‘бодхисаттва’ и пр.); и такие слова, которые, будучи буддийскими по своему происхождению, настолько глубоко вошли в живой язык, что его носители едва ли ассоциировали их с буддизмом (*шицзе* 世界 ‘мир’, *сяньцзай* 現在 ‘сейчас; настоящее [время]’, *цзего* 結果 ‘результат’, *юаньмань* 圓滿 ‘довольный, удовлетворенный’ и пр.) [Wang Li, 1980/2002].

¹⁴ Хотя [Цай 1990], [Ван-Фан 1992] и не посвящены непосредственно буддийской лексике, тем не менее в них включен достаточно большой объем слов, встречающихся в буддийских произведениях, поэтому они вполне могут быть отнесены к данному перечню.

¹⁵ Разумеется, в идеале. В действительности, значение подобных слов (и тем более их санскритский аналог) знала крайне малая часть буддийского ученого духовенства.

Вопросы семантического анализа буддийской лексики позволили некоторым ученым (в их числе Чжу Гуаньмину) высказать ряд интересных предположений относительно механизмов семантического изменения и, соответственно, употребления исконно китайских слов под влиянием буддийского языка¹⁶.

Так, в ходе изучения семантического изменения лексики под влиянием буддийского языка, Чжу Гуаньмин выдвинул теорию «[семантической] трансплантации» (*ичжи* 移植), заключающуюся в том, что, по его мнению, в процессе перевода сутр на китайский язык переводчики «расширяли» семантическое поле используемых слов родного языка, добавляя к близким, но «идеологически нейтральным» значениям новое, буддийское, и вводя таким образом в оборот по сути слово с новым значением (или семантическим оттенком, однако превалирующим над остальными: таково, например, специфически буддийское значение нейтрального в принципе глагола *чи* 持 ‘держат, иметь при себе’ как ‘памятовать, удерживать в сознании’ и т.п.) [Zhu Guanming, 2008].

Данная гипотеза нашла своих последователей, которые вполне успешно применяют ее для анализа среднекитайской лексики, подвергшейся подобной семантической «трансплантации» (см., например, статью Цю Бина о возникновении в среднекитайском языке под буддийским влиянием явления прямого дополнения в виде слов *янь* 言 или *юй* 語 при глаголе *шо* 說 ‘говорить’, чего не наблюдается в языке текстов предшествующих периодов [Qiu Bing, 2008]).

В сфере словообразования материалы языка буддийских текстов также позволили исследователям сделать ряд открытий, связанных с той ролью и влиянием, которые оказал буддийский китайский язык на словообразовательные механизмы среднекитайского языка, а затем и *байхуа*. Так, Лян Сяохун 梁曉虹 в своей работе, посвященной влиянию структуры буддийской лексики на развитие китайского словообразования и словарного состава [Liang, 1994, p. 14-34], выделил четыре типа «гибридных» санскритско-китайских словообразовательных моделей, в которые входят: а) модель типа «санскритская транскрипция+китайское слово» (наподобие слова *Фо фа* 佛法 ‘учение Будды; Дхарма’); б) модель «китайское слово+санскритская транскрипция» (словосочетания типа *цаньчань* 參禪 ‘практиковать *дхьяну*, сосредоточение’, *гаосэн* 高僧 ‘выдающийся член *сангхи*, монах’)¹⁷; в) модель типа «новообразованный иероглиф+китайское слово» (например, *мо ван* 魔王 ‘царь демонов, Мара’, где иероглиф *мо* 魔

¹⁶ Это влияние представляется настолько серьезным, что высказывается даже идея о «буддизации китайской лексики» (Фо хуа Хань цы 佛化漢詞) [Лян 1994, с.65-85], в процессе которой за нейтральными семантически словами закрепляется (и сохраняется в дальнейшем) именно специфически буддийское значение.

¹⁷ Безынтересно отметить, что модели а) и б), т.н. полукальки, встречаются и в других языках (именно в контексте переводной книжной культуры), например, в текстах православной церкви на церковнославянском языке: так, фраза из «Херувимской песни» литургии св. Иоанна Златоуста «...ангельскими невидимо дориносима чинми...», т.е. «незримо сопровождаемого в качестве телохранителей ангельскими чинами» (культурная отсылка к ритуалу сопровождения римского императора телохранителям, первоначально буквально несшими его на закрепленном на копиях щите) содержит подобное слово-полукальку «дориносима», взятую из греч. *дорифороῦμενον*, с сохранением транскрибированного греч. *дору* ‘копье’ и переводом на славянский греч. *фороῦμενον* ‘несомого, носимого’. «Гробы повапленные» из Евангельского текста также являются подобной полукалькой, когда греч. глагол *βαλτω* в значении ‘окрашивать ч-л.; украшать; белить’ был попросту транскрибирован и оформлен славянскими словообразовательными элементами.

представляет собой новообразованный знак, в до-буддийском Китае не существовавший) и *d)* модель синонимического словосложения по типу «санскритское слово+китайское слово», где обе части представляют собой близкое или синонимичное по смыслу слово (типа *нигу* 尼姑 ‘бхикишуни, буддийская монахиня’, причем слог *ни* 尼 представляет собой урезанное [бичу]ни [苾芻]尼, а *гу* 姑 является исконно китайским обозначением женщины (обычно престарелой) с последующим развитием значения «инокиня»).

Немалое влияние на словообразовательные механизмы китайского языка оказали буддийские лексические модели «отрицательный элемент¹⁸+корнеслог» (как результат калькирования санскритского отрицательного префикса *a-*, *an-*) типа *бу жэнь* 不忍 ‘нестерпимый, непереносимый’, *вэй цзю* 未久 ‘недолгий, недолго; скорый’, *у чжи* 無知 ‘неведомый; непонимающий’, *фэй цзя* 非家 ‘лишенный дома; бездомный’, *у лян* 無量 ‘бесчисленный, неисчислимый’, *у шан* 無上 ‘непревзойденный, высочайший (как эпитет Будды), букв. «[тот,] выше [которого никого] нет» и т.п. Статистический анализ, проведенный Чжу Цинчжи на материале словарей современного китайского языка, показал, что эта модель сыграла большую роль в словообразовательных процессах, причем большая доля приходится на конструкции с отрицанием *бу* 不 и *у* 無 (соответственно 320 и 204 позиции), тогда как отрицательная морфема *фэй* 非 представлена всего лишь 27 примерами [Zhu Qingzhi, 2000].

Интерес исследователей в области словообразования привлекло также явление лексической контракции¹⁹ (*цзяньчэн гоуцыфа* 簡稱構詞法), столь частое в буддийских текстах (типа *сань ши* 三世 ‘три поколения/эпохи’ т.е. 過去世 ‘прошлое’, 現在世 ‘настоящее’, 將來世 ‘грядущее»; *сы го* 四果 ‘четыре плода [духовного совершенствования]’ и т.д.) и унаследованное современным китайским языком (*шуйлу цзяотун* 水陸交通 ‘водное и наземное сообщение’, *сянцзюй цзюйминь* 城鄉居民 ‘жители города и деревни’ и т.п.), в чем видится (и судя по всему — вполне справедливо) влияние именно буддийской словообразовательной парадигмы [Zhu Qingzhi, 2000].

Еще одной немаловажной темой, затрагиваемой в ходе изучения лексикологии буддийского китайского языка, стала проблема диссилабизации китайских слов (*шуаниньхуа* 雙音化), т.е. возрастание слов, состоящих из двух (и более) слогов, и постепенное вытеснение односложных слов (*даньинь цы* 單音詞) либо замена их на двуслоги. Ху Чижуй 胡敕瑞, проведя сравнительный анализ лексики из трактата «Лунь хэн» 論衡 и из поздниханьских буддийских текстов, отмечает поразительный рост двуслогов именно как аналогов или замены односложных слов классических китайских текстов (в «Лунь хэн» отмечено только 4 двусложных слова, тогда как буддийские тексты содержат ок. 93); очевидна тенденция как к фонологическому, так

¹⁸ Современные китайские языковеды используют термин «отрицательный префикс» (фоундин цянъчжуй 否定前綴), тогда как отечественная лингвистическая традиция предпочитает использовать понятие отрицательной частицы, либо отрицательной препозитивной морфемы [Горелов 1984, с. 43]. Более корректным нам представляется отечественное употребление термина.

¹⁹ В переводе данного термина словом «контракция» вместо «аббревиация» мы следуем за теоретической аргументацией В.И. Горелова [Горелов 1984, с. 85–92], предлагавшего рассматривать подобное явление в китайском именно как особую разновидность аббревиации в силу морфологических особенностей этого языка.

и словообразовательному замещению: так, однослог *бэй* 備 ‘уготовать, подготовить’ замещается на *бэйбянь* 備辦, *цзинь* 矜 ‘безответственный, надменный’ — на *цзыда* 自大 или *гунгао* 貢高, *ти* 涕 ‘слеза, слезы’ — на *яньлэй* 眼淚 и т.п. [Hu Chirui, 2002].

Среди причин этого исследователи выделяют, помимо внутренней эволюции словообразовательного механизма китайского языка (вызванной, несомненно, не в последнюю очередь фонетическими изменениями строя языка), ритмико-просодические требования текста (носящего в большинстве случаев прозоритмический характер), особенности буддийской разновидности китайского языка и влияние санскритского (или во всяком случае не китайского, а индо-иранского) оригинала, принимая во внимание богатую и развитую словообразовательную систему индоевропейских языков (особенно санскрита) [Liang, 1994; Yu Liming, 1993].

Грамматические особенности буддийских китайских текстов обратили на себя внимание исследователей уже в начале XX в.²⁰ и продолжали привлекать к себе интерес вплоть до начала 90-х гг., однако все это носило либо несистематически характер исследований *ad hoc*, либо было инкорпорировано в более общие историко-грамматические изыскания, оставаясь не более чем примерами, хотя и небезынтересными для изучения истории развития китайского языка.

Уже Лян Цичао 梁啟超 (1920/2001) замечал практическое отсутствие в буддийских текстах распространенных в *вэньяне* служебных слов и большое количество инверсивных предложений (*даочжуан цзюйфа* 倒装句法). Такие крупные китайские лингвисты, как Ван Ли и Люй Шусян 呂叔湘, использовали буддийские материалы в своих исследованиях 30-х и 40-х гг., затрагивая вопросы происхождения и развития местоимений третьего лица *та* 他, отрицательных частиц *у* 毋 и *勿*, определительной частицы *ди* 底 и пр.; Чжоу Илян 周一良 (сер. 40-х гг.) проследил возникновение конструкции «переходный глагол — *юй* 於 — дополнение» именно на основании буддийских текстов, отмечая, что до периода Поздняя Хань подобной конструкции не наблюдалось и она распространилась в китайском языке благодаря буддийскому влиянию; Гао Минкай 高名凱 (1948) обратил внимание на оформление местоимения *та* в местоимение 3 л. именно в буддийских текстах; Чжоу Фагао (1953), опираясь во многом именно на материал буддийских китайских текстов, поднял вопрос о возникновении и особом употреблении вспомогательного глагола *дэ* 得 и грамматикализации слова *ши* 是 и превращении его в связочное слово²¹.

Такого рода разрозненные, хотя и весьма важные исследования продолжались на начала 90-х гг. прошлого столетия, когда наконец изучение буддийского китайского языка стало оформляться в отдельное направление в историческом языкознании (во

²⁰ Справедливости ради надо отметить, что первым, кто обратил внимание на особенности буддийской разновидности китайского языка не только с фонетической и лексикологической точки зрения, но и со стороны грамматики, был Т. Уоттерс, посвятивший буддийскому китайскому целую главу своей монографии, вышедшей еще в 1899 г. В частности, Уоттерс отмечал сильное влияние санскрита на язык буддийских переводных сочинений в использовании слов *гу* 故 и *чжун* 中 как аналогов соответственных санскритских падежей инструменталиса (творительного ‘посредством, на основании ч.-л., к.-л.’) и локатива (местного ‘где-либо, в’).

²¹ Подробнее см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, 2006, p. 414–418].

многим благодаря работам Чжу Цинчжи, по сути выделившего китайский буддийский язык в отдельную историческую разновидность китайского и давшего ему его современное название).

В области изучения грамматических особенностей языка буддийских китайских текстов целесообразным представляется выделить два уровня, естественным образом связанных между собой, но справедливо (с целью проследить их историческое развитие более детально) рассматриваемых китайскими лингвистами по-отдельности: проблемы *морфологии* (конкретнее — т.н. служебных слов; реже — знаменательных) и вопросы *синтаксиса* (главным образом — некоторых синтаксических конструкций и ряда типов предложений)²².

Наибольший интерес в сфере *морфологических* категорий представляют в настоящее время следующие аспекты (во многом унаследованные от предшествующих исследователей, первыми сформулировавших эти проблемы, но также и целый ряд новых вопросов, ими не учтенных, или ревизия старых положений, представляющих-ся ныне неверными):

а) вопросы, связанные с возникновением или развитием категории *местоимений* (*дайцзы* 代词) — спектр исследований простирается от уже рассматривавшегося ранее *та* 他 (эволюционировавшего в буддийских текстах от значения ‘другой человек, тот (указание на дальний объект)’ до собственно личного местоимения ‘он, она’ (Сян Си 向熹 и Юй Сяожун 遇笑容 датируют возникновение этого значения периодом Лючао 六朝 (222–589), тогда как Юй Лимин 俞理明 и ряд других исследователей предлагают датировать этот переход эпохой Тан) до специфического использования слова *жэнь* 仁 в буддийских текстах как обозначения ‘оба; эти двое’ (проблема, впрочем, остается спорной; подробнее см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, 2006, p. 419]).

Внимание исследователей привлекло также возникновение указательных местоимений *чжэ* 這 и *на* 那 (а также использование последнего в функции вопросительного), датируемых достаточно ранним периодом (II–III в.н.э.) и в большом количестве встречающихся именно в буддийских текстах. Показателен также интерес к «местопредикативам» — сложным словам, получившим большое развитие уже в среднекитайском языке, обозначающим место нахождения (в или между, среди) или помещения — типа *цы/ши/би чжун* 此/是/彼中 и *цы/ши/би цзянь* 此/是/彼間 [Chen, 1999];

б) вопросы, касающиеся глагольного словообразования и появления новых форм глагольных конструкций (хотя этот раздел уместнее было бы отнести к синтаксису): например, развитие т.н. сериальной или цепочечной глагольной формы типа «глагол₁+глагол₂» уже в буддийских текстах, приписываемых Чжи Цяню 支謙 (т.е. примерно в сер. III в. н.э.) [Zhu Jianing]; проблемы возникновения и развития т.н. видо-временных показателей *лэ/ляо* 了, *чжэ/чжао* 著 (вопросы эти до сих пор остаются

²² В данной работе мы принимаем (особенно в том, что касается проблемы грамматических категорий китайского языка) терминологию и теоретические положения отечественной лингвистики, нашедшие свое отражение в [Горелов, 1989]; терминология некоторых китайских авторов может сильно отличаться не только от терминов, принятых в отечественной синологической лингвистике, но и от общепринятой китайской терминологической номенклатуры.

спорными, однако общепризнанным фактом является то, что большинство ученых относит начало грамматикализации этих некогда полнозначных глаголов именно эпохой буддийских переводов, приводя достаточно внушительный иллюстративный материал из сутр), а также т.н. инхотативного (начинательного) показателя *кань* 看 (аналогичного русскому «ну-ка» или суффиксу «-ка»: типа «давай-ка», «погляди-ка» и т.п.; несмотря на разницу во взглядах относительно точных функций и механизмов грамматикализации этого слова, — глагола со значением «глядеть» — исследователи в целом сходятся на времени его появления между III и V в., т.е. эпохами Вэй-Цзинь 魏晉 и Лючао 六朝).

Сюда же можно отнести и работы, посвященные изучению возникновения и оформления т.н. вспомогательных глаголов направления действия *лай* 來 и *цуй* 去 (см., напр., статью [Long, 2005]);

в) вопросы развития новых и замещения ими старых форм наречий (например, появление в буддийских текстах обобщающего наречия *гань* 敢, вытеснившего традиционное для произведений на *вэньяне* *фань* 凡; необычная функция редуцированного слова *ши* 時 (*шиси* 時時) в значении ‘вот-вот; чуть-чуть не’; появление сложносоставных наречий типа *цзяньгутун* 將無同; распространение наречия *доу* 都 и пр.), образования новых вспомогательных частиц с использованием (и переосмыслением) старых служебных слов (типа *со* 所: *сои* 所以, *юсо* 有所, *усо* 無所 и т.д.), употребления в новом значении экспрессивных конечных частиц *лай* 來 и *цуй* 去 (развившихся из функции вспомогательных глаголов направления действия) и др.²³

Что касается изучения *синтаксических* особенностей китайского буддийского, то в этой области можно выделить несколько наиболее интересных и перспективных направлений:

а) проблемы «копулятивных», или «связочных предложений» (*паньдуань цзюй* 判斷句), главным образом, время возникновения и развития связочной частицы *ши* 是 (первоначальное значение — указательное местоимение ‘это’)²⁴. Исследователи буддийских китайских текстов выделяют две крайние границы, в которых могло произойти оформление *ши* 是 в связку: самое раннее — эпоха Восточной Хань (東漢, I в. — нач. III в.), самое позднее — эпоха Тан (т.е. VII в. — нач. X в.)²⁵. Выдвигалась версия о том, что уже в период Вэй-Цзинь (魏晉, т.е. III-V вв.н.э.) в буддийских текстах конструкции с *ши* носят связочный характер (так, к такому выводу исследовате-

²³ Более детальный и подробный обзор и анализ подобных работ см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, p. 418–426], [Zhu Guanming, 2021, p. 168–170] и [Zhu Jianing, 2009, p. 45–54].

²⁴ Исходной моделью, по всей видимости, могла послужить распространенная в *вэньяне* рамочная конструкция *ши...е* 是...也 ‘это есть что-л.; это [значит] то-то’. Подробнее см. [Никитина, 2005, с. 246–247], где данная конструкция условно названа «разъяснительной».

²⁵ Ряд исследователей выдвигал версию о возникновении *ши* в качестве связки уже в эпоху Воюющих царств (戰國, т.е. между V в. и III в. до н.э.), однако данное предположение едва ли применимо к изучению буддийских китайских текстов, возникших гораздо позже. Подробнее см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, p. 427].

лей подвела часто встречающаяся в переводах сутр конструкция типа *юХшиХ* 有 Х 是 Х ‘такое-то есть то-то’, см., например, [Tang, 1993]).

Сюда же можно отнести и конструкцию типа «именная группа+имя+ши 是» (как, например, в предложении *Эрши сянван чжэ во шэнь ши е* 爾時象王者, 我身是也, букв. ‘в то время царь слонов — это и был я сам’ (слова Будды об одном из своих прежних воплощений)), относительно происхождения и функций которой среди ученых нет единого мнения (выдвигаются версии санскритского влияния, синтаксической транспозиции, либо отражения обычного для сино-тибетских языков порядка слов «подлежащее-дополнение-сказуемое», детальный обзор см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, 2000, p. 428-429], [Zhu Guanming, 2021, p.172])²⁶;

б) вопросы возникновения и развития конструкций с дополнительным элементом (*дунбу цзегоу* 動補結構)²⁷ типа современного *дасы* 打死 ‘забить насмерть’ (например, встречающаяся в буддийских текстах фраза *цзинь дан да жу цянь лян чи чжэ* 今當打汝前兩齒折 ‘вот сейчас выбью оба твоих передних зуба (букв. «сейчас ударю твоих передних два зуба [так, что они] сломаются»)), причем ряд исследователей датирует время появления подобных конструкций уже до-танской эпохой (не позднее периода Шести династий 六朝, т.е. III–VI вв. н.э.).

Исследователи колеблются в определении характера данного глагольного дополнения, предлагая варианты истолкования в диапазоне от результативного дополнения до дополнения «случайного» результата (при этом важно отметить, что такого рода конструкции в качестве дополнительного глагольного элемента содержат слово с отрицательным, негативным значением разрушения, утраты или причинения вреда, как-то: *сы* 死 ‘умирать’, *ша* 殺 ‘убить, привести к смерти, гибели’, *бай* 敗 ‘терять, лишаться’, *по* 破 ‘ломать, разбивать’, *шан* 傷 ‘ранить, поранить’, *хуай* 壞 ‘повредить, причинить вред’ и т.п., подробнее см. [Jiang Shaoyu, 1999].

Возникновение и распространение подобных конструкций исследователи связывают с тем, что ставшая нормой в буддийских текстах «четырёхзначная модель» текста (*сы цзы гэ вэньти* 四字格文體) вынуждала переводчиков прибегать к (нередко искусственной) диссилабизации слова (причем осуществлялось это по трем моделям: 1) соединение синонимичных или близких по значению слов (типа *каньцзянь* 看見 ‘смотреть’+ ‘видеть’); 2) к результативному глаголу присоединяется слово со значением действия, приводящего к этому результату (типа *дапо* 打破 ‘ударить’+ ‘разбить(ся)’); 3) присоединение глагола с нейтральным значением совершения действия вообще (типа *син* 行+глагол));

в) вопросы конструкций с препозицией дополнения (*чучжи ши* 處置式) — предшественников современных конструкций с *ба* 把 и *цзян* 將 (причем предложения с *цзян* 將 возникают уже в период Вэй-Цзинь (魏晉, т.е. III–V вв. н.э.) и становятся

²⁶ Мы, в свою очередь, придерживаемся мнения, что это одна из разновидностей конструкции, указанной в сн. 24.

²⁷ Терминологически мы следуем здесь [Горелов 1989, с.128], поскольку китайский термин *бу* 補語 отличается от обычного *бинью* 賓語 ‘дополнение’ по целому ряду признаков. В отечественном языкознании также используется термин ‘дополнительный член’.

многочисленными в текстах эпохи Суй (隋代, конец VI — начало VII вв. н.э.), тогда как конструкции с *ба* 把 датируются не раньше периода Тан). В китайских буддийских текстах аналогом двух этих показателей препозиции дополнения служили грамматикализованные морфемы *чи* 持 (глагольное значение ‘держать’) и *цзюй* 取 (с глагольным полноценным значением ‘брать’), употребление которых в данной функции фиксируется уже эпохой Восточная Хань (например, фраза из буддийского текста *чи фа ши юй жэнь* 持法施與人, буквально ‘держаться *дхармы*-закона [и] подавать вспомоществование людям’). Относительно причин возникновения и распространения такого типа конструкций среди исследователей нет единого мнения: выдвигаются предположения о развитии зафиксированной в древнекитайском языке конструкции с *и* 以 (типа *и...вэй...* 以... 為 ‘делать/считать кого-л./что-л. кем-л./чем-л.’), об упрощении сложной конструкции типа «*чи* 持/*цзюй* 取+дополнение₁+глагол+дополнение₂» в конструкцию «*чи* 持/*цзюй* 取+дополнение₁+глагол» с утратой второго дополнения либо его дублированием первым, и, наконец, гипотеза о возможном санскритском влиянии, учитывая, что в санскритских текстах дополнение часто предшествует глаголу (см., например, [Cao, Yu, 2000]);

г) проблемы возникновения, трансформации и дальнейшего развития пассивных конструкций (*бэйдун цзюй* 被動式), причем внимание уделяется как сложным (вероятнее всего, унаследованным из *вэньяня*) образованиям типа «*...вэй* 爲...*соцзянь* 所見+глагол» (причем в таких формах в буддийских текстах элемент *вэй* часто опускается, а элемент *цзянь* представляется уже грамматикализовавшимся, т.е. утратившим значение глагола ‘видеть’) (см., в частности, [Zhu Qingzhi, 2013]), так и возникновению и развитию пассивных конструкций с *бэй* 被, сохранившихся в современном китайском языке. Касательно возникновения последней конструкции мнения исследователей расходятся: одни видят в ней трансформацию древнекитайской конструкции «*...вэй* 爲...*со* 所+глагол», при которой *вэй* замещается *бэй* 被, элемент *со* 所 редуцируется и получается конструкция *бэй* 被+глагол; другие полагают, что имела место простая грамматикализация полнозначного глагола *бэй* 被 ‘покрывать(ся)’ с изменением значения на показатель пассива следующего за ним глагола; третьи выдвигают версию о трансформации конструкции типа «*X* 被 *Y* 害» ‘*X* претерпел вред от *Y*’. Единого мнения по этому вопросу пока не существует, однако проведенные статистические исследования показывают экстенсивный рост использования в буддийских текстах конструкций с *бэй* 被, начиная с эпохи Лючао (III–VI вв. н.э. — 15%) и до периода Тан (87%) (см. подробнее [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, 2006, p. 434–436], [Zhu Jianing, 2009, p. 42–43]).

Кроме вышеперечисленных тем, китайские исследователи, разумеется, затрагивают в своих исследованиях особенностей языка китайских буддийских текстов и многие другие: вопросы каузативных конструкций с элементом *лин* 令 (типа «глагол+*лин* 令+глагольная группа» — ‘сделать нечто приводит к тому, что возникает/происходит то-то’), развитие сравнительных конструкций типа «*жо* 若 *A* *жо* 若 *B*», анализ рамочных конструкций обобщающего типа (обычных для начала сутр) «*юй* 與+именная группа+*цзюй* 俱» ‘вместе с[о всеми]...; с... вместе’, «уподобительных»

оборотов типа «*жу* 如.....*дэн* 等 /*сюй* 許» — ‘подобно всем...; как и...’, временных конструкций с *вэйцэн ю* 未曾有 ‘пока не...; покуда не...’ и т.п. Однако приведенных выше примеров тем и направлений в изучении грамматических особенностей буддийского китайского языка кажется вполне достаточно для того, чтобы дать картину положения дел в данной сфере и показать важность и актуальность этих исследований не только для истории переводов буддийских текстов на китайский язык, но и для изучения собственно исторического развития самого китайского языка под влиянием т.н. буддийской его разновидности.

Выводы

Как можно видеть, за почти четыре десятилетия своего существования изучение языка буддийских китайских текстов затронуло самые разнообразные аспекты и области этого явления, включающие в себя как вопросы фонетики и грамматики (как в узком, морфологическом, так и в широком, синтаксическом, смыслах), так и проблемы лексикологии и семантики (в том числе и вопросы палеографического характера, касающиеся т.н. вариантных написаний иероглифов). Многое в этих исследованиях остается спорным, однако в целом становится очевидным, что такое явление, как буддийский китайский язык в качестве разновидности среднекитайского литературного языка, имеет вполне важное значение для целого ряда сфер исследования — истории языка, литературы, идеологии, истории религии в Китае и даже для этнопсихологии. Ниже мы попытаемся кратко отметить те проблемы и темы, которые, на наш взгляд, не получили удовлетворительного решения либо не были затронуты (по крайней мере в той степени, в которой, как нам кажется, они этого заслуживают).

1. Проблема названия и определения характера изучаемого явления. Большинство авторов использует термин «язык буддийских переводов, или буддийских классических сочинений» (*фодянь юйянь* 佛典語言), что, как нам представляется, неправомерно сужает границы явления, выходящего гораздо дальше за пределы просто переводной литературы.

Так, при подобном подходе за рамками исследования оказывается целый пласт текстов, не входящих в т.н. китайскую Трипитаку, но написанных именно на той разновидности китайского языка, которая формировалась в течение длительной истории переводов буддийских сутр (например, автохтонные тексты отдельных буддийских китайских школ, типа «Линь-цзи лу»²⁸ 臨濟錄, тексты *бяньвэней* и т.п.). Кроме того, не совсем проясненным остается характер языка, представляющегося при таком подходе лишь языком переводной литературы и существующим в рамках только письменной культуры, что, как очевидно, неверно.

Если попытаться сформулировать определение этого языка с учетом как узко лингвистических, так и социолингвистических особенностей, то наиболее приемлемым, на наш взгляд, кажется следующее: это *буддийский среднекитайский религиозно-*

²⁸ См. замечательный русский перевод с приложением грамматического очерка И.С. Гуревич: «Линь-цзи лу». Вступ. ст., пер. с кит., коммент. и граммат. очерк И.С. Гуревич. СПб., «Петербургское Востоковедение», 2001.

лект, при этом важно принять во внимание: а) специфически буддийский характер этого языка; б) хронологические рамки его формирования (приходящиеся именно на оформление среднекитайского) и в) его социолингвистический характер, рассматривая термин *религиолект*²⁹ как разновидность языка, имеющую хождение в определенной религиозной группе или общине и не ограничивающуюся исключительно письменными текстами (поскольку большинство членов религиозной группы были либо вообще неграмотными, либо малограмотными, что естественно предполагало устную форму коммуникации в большинстве случаев).

Поскольку же буддийская община не представляла собой изолированное явление, а была неразрывно инкорпорирована в тело китайского социума, то в процессе коммуникации неизбежно возникал языковой взаимообмен, в процессе которого буддийский религиолект проникал в живой для тех периодов язык, обогащая его и в свою очередь обогащаясь от него³⁰. Таким образом, феномен буддийского китайского языка представляет собой нечто большее, чем простой язык переводов.

2. Еще одной проблемой общего свойства представляется отсутствие критического издания китайских буддийских текстов *en masse* (при том, что отдельные произведения в последнее время стали издаваться критически в соответствии с требованиями современной текстологической науки), поскольку в «классических» изданиях (вроде ТСД³¹) содержится ряд ошибок, неизбежно перекочевывающих в электронные базы данных типа СВЕТА и тем самым затрудняющих или осложняющих работу с большими массивами данных.

3. Не меньшей проблемой оказывается отсутствие обобщающих историко-грамматических работ, которые охватывали бы по возможности весь период формирования и развития буддийского китайского языка, аналогичным работам отечественных языковедов (И.Т. Зограф, И.С. Гуревич и пр.), построенных на широком материале (не только буддийских текстов) и в широкой диахронной перспективе.

Сюда же можно отнести и проблему нехватки учебных пособий по этой специфической разновидности среднекитайского языка, востребованных не только буддологами, но и историками и лингвистами³².

²⁹ Термин был предложен в применении к этой разновидности китайского языка в 2009 г. немецким синологом Конрадом Майзигом, ограничившимся, правда, исключительно языком переводных текстов, что нам кажется неправомерным сужением проблемы.

³⁰ Сюда же следует добавить и влияние письменного языка вэньянь, а не только живого разговорного.

³¹ 大正新修大藏經 Тайсё синсю Дайдзокё (Заново отредактированная Трипитака годов Тайсё). Т. 1–100. Токио, 1960–1977. Изначально текст ТСД компилировался в первой четверти XX в. и включал самые разные тексты, в т.ч. и небуддийские (манихейские, христианские тексты цзинцзяо); текстологическая работа над ними, в силу определенных причин была проведена неудовлетворительно, отчего тексты содержат в себе немало ошибок и повторов.

³² Проблема отсутствия учебных пособий актуальна главным образом для западных, некитайских исследователей. Пособия типа Graham Lock, Gary S. Linebarger. Chinese Buddhist Texts. An Introductory Reader. (L., NY 2018) представляют собой скорее исключение. Китайские и японские учебные пособия построены по своим специфическим принципам и едва ли применимы (по крайней мере без существенной переработки) для обучения европейского студента.

Как видно из вышеизложенного, в области изучения буддийского китайского языка уже достигнуты определенные результаты, хотя и остается много спорных вопросов и неоднозначных выводов (что неизбежно для этого сравнительно молодого и пока еще только развивающегося направления); тем не менее сказанного кажется достаточным для того, чтобы привлечь внимание и интерес отечественных исследователей к этой важной и во многом недооцененной сфере китайской культуры, дальнейшее изучение которой (желательно в междисциплинарном аспекте) может принести новые открытия и предложить новые неожиданные перспективы.

Библиографический список

- Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: «Просвещение», 1984.
 Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: «Просвещение», 1989.
 Никитина Т.Н. Грамматика древнекитайских текстов. М.: «Восток-Запад», 2005.
 Яхонтов С.Е. История языкознания в Китае (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) / История лингвистических учений. Древний мир. Л.: «Наука», 1980. С. 92–109.
 Яхонтов С.Е. История языкознания в Китае (XI–XIX вв.) / История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: «Наука», 1981. С. 224–247.

References

- Gorelov V.I. (1984). Leksikologija kitaiskogo jazyka [Lexicology of Chinese]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
 Gorelov V.I. (1989). Teoreticheskaya grammatika kitaiskogo jazyka [Theoretical grammar of Chinese]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
 Nikitina T.N. (2005). Grammatika drevnekitajskikh tekstov [A Grammar of old Chinese texts]. Moscow: Vostok-Zapad. (In Russian).
 Jaxontov S.E. (1980). Istoriya jazykoznaniya v Kitae (I tys. do n.e.-I tys. n.e.) [Historical survey on Chinese linguistic teachings: I millennium BC — I millennium CE]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
 Jaxontov S.E. (1981). Istoriya jazykoznaniya v Kitae (XI-XIX v) [Historical survey on Chinese linguistic teachings: XI–XIX c.]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
 * * *
 Cai Jinghao (1990). 蔡鏡浩. Wei-Jin Nanbeichao ciyu lishi 魏晉南北朝詞語例釋 [Words from Wei-Jin Nanbeichao period with examples and explanation]. Nanjing: Jiangsu guji chubanshe. (In Chinese).
 Cao Guangshun, Yu Xiaorong (2000). 曹廣順, 遇笑容. Zhonggu yijing zhong de chuzhishi 中古譯經中的處置式 [Disposal construction in Middle Chinese translated sutras]. Zhongguo yuwen 中國語文. No. 6. (In Chinese).
 Chen Wenjie (1999). 陳文傑. Cong zaoqi Hanyi fodian kan Zhonggu biaofoang suo de zhishi daici 從早期漢譯佛典看中古表方所的指示代詞 [Demonstrative pronouns of direction from early Chinese Buddhist translations]. Guhanyu yanjiu 古漢語研究. No. 4. (In Chinese).
 Coblin (1999). Periodization in Northwest Chinese Dialect History. Journal of Chinese Linguistics. 27.1. P. 104–119.
 Hu Chirui (2002). 胡敕瑞. Lunheng yu Dong Han fodian ciyu bijiao yanjiu 〈論衡〉與東漢佛典詞語比較研究 [Comparative studies of the lexicon of Lunheng and Eastern Han Buddhist Scriptures]. Chengdu: Ba Shu shu she. (In Chinese).
 Jiang Lihong (1998). 蔣禮鴻. Dunhuang bianwen ziyi tongshi 敦煌變文字義通釋 [Explanations of the meaning of characters from Dunhuang 'transformation texts']. Shanghai: Shanghai guji chubanshe. (In Chinese).
 Jiang Shaoyu (1999). 蔣紹愚. Hanyu donjieshi chansheng de shidai 漢語動結式產生的時代 [Date of the origin of resultative verbal model in Chinese]. Guoxue yanjiu 國學研究. No. 6. (In Chinese).

- Karlgren B. (1915). Etudes sur la phonologie chinoise. Archives d'études orientales, XV, 1–2. Upsala.
- Liang Qichao (1920/2001). 梁啟超. Fanyi wenxue yu fodian 翻譯文學與佛典 [Translated Literature and Buddhist Scriptures]. In: Foxue yanjiu shiba pian 佛學研究十八篇 [18 Chapters in Buddhist Studies]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe. (In Chinese).
- Liang Xiaohong (1994). 梁曉虹. Fojiao ciyu de gouzao yu Hanyu cihui de fazhan 佛教詞語的構造與漢語詞彙的發展 [Lexicological structure of Buddhist words and the development of Chinese vocabulary]. Beijing: Beijing yuyanxueyuan chubanshe. (In Chinese).
- Long Guofu (2005). 龍國富. Cong Zhonggu fojing kan shitai dongci 'lai' ji qi yufahua 從中古佛經看事態助詞“來”及其語法化 [Verb lai and its grammaticalization from Middle Chinese Buddhist texts]. Yuyan kexue 語言科學. No. 1. (In Chinese).
- Luo Changpei (1933). 羅常培. Tang Wudai xibei fangyin 唐五代西北方音 [North-western dialect under Tang-Five Dynasties]. Shanghai. (In Chinese).
- Maspero H. (1920). Le dialecte de T'chang-ngan sous les T'ang. BEFEO 20, p. 1–119.
- Qiu Bing (2008). 邱冰. Shuo+shoushibinyu yan/you tanyuan 說+受事實語‘言’/‘語’探源 [Investigation into the origin of the construction shuo–recipient object yu/yan]. Tianzhong xuekan 天中學刊.No. 3. (In Chinese).
- Schlegel G. (1900). The secret of the Chinese method of transcribing foreign sounds. T'oung Pao. Ser. II. Vol. 1.No. 3. P. 219–253.
- Takata Tokio (1988). 高田時雄. Tonkoo shiryoo ni youru Chigokugoshi no kenkyuu — ku-jusseiki no kasei hougen 敦煌資料による中國語史の研究—九・十世紀の河西方言 [Research on the History of Chinese based on Dunhuang materials — Hexi dialect of 9–10 centuries]. Tokyo. (In Japanese).
- Tang Yuming (1993). 唐鈺明. Shangu panduanju bianxi 上古判斷句辨析 [Old Chinese copulative sentences — distributive analysis]. Guhanyu yanjiu 古漢語研究. No. 4. (In Chinese).
- Wang Li (1980/2002). 王力. Hanyu shigao 漢語史稿 [Historical survey of Chinese]. Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese).
- Wang Yulu, Fang Yixin (1992). 王雲路, 方一新. Zhonggu Hanyu yuci lishi 中古漢語語詞例釋 [Middle Chinese words with notations and explanations]. Changchun: Jilin jiaoyu chubanshe. (In Chinese).
- Yu Liming (1993). 俞理明. Fojing wenxian yuyan 佛經文獻語言 [Language of Buddhist Scriptures]. Chengdu: Ba Shu shu she. (In Chinese).
- Yu Mei (1999). 俞敏. Yu Mei yuyanxue lunwen ji 俞敏語言學論文集 [Collected papers on linguistics]. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).
- Zhu Guanming (2008). 朱冠明. Yizhi: fojing fanyi yingxiang hanyu cihui de yizhong fangshi 移植：佛經翻譯影響漢語詞彙的一種方式 [Transplanting: one of the methods of Buddhist translations influencing Chinese vocabulary]. Yuyanxue luncong 語言學論叢. No. 37. (In Chinese).
- Zhu Guanming (2012). 朱冠明. Fojiao Hanyu yanjiu gaikuang 佛教漢語研究概況 [General survey of studies in Buddhist Chinese]. Wenxian yuyanxue 文獻語言學. No. 12. P. 155–186. (In Chinese).
- Zhu Jianing (2006). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: cihui pian 佛經語言研究綜述：詞彙篇 [Review of studies in Buddhist Chinese language: Lexicology]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊. No. 44. P. 66–86. (In Chinese).
- Zhu Jianing (2007). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: ciyi de yanjiu 佛經語言研究綜述：詞義的研究 [Review of studies in Buddhist Chinese language: studies in lexical semantics]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊, no. 45, p. 60–76 (In Chinese).
- Zhu Jianing (2008). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: ciyi de yanjiu (shang, xia) 佛經語言研究綜述：音義的研究 (上, 下) [Review of studies in Buddhist Chinese language: phonetics and semantics, parts one and two]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊. No. 47. P. 127–133; No. 48. P. 112–118. (In Chinese).
- Zhu Jianing (2009). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: yinyun wenzi de yanjiu 佛經語言研究綜述：音韻文字的研究 [Review of studies in Buddhist Chinese language: phonology and characters]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊. No. 49. P. 109–117. (In Chinese).
- Zhu Jianing (2009). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: yufa de yanjiu 佛經語言研究綜述：語法的研究 [Review of studies in Buddhist Chinese language: grammar]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊. No. 50. P. 40–57. (In Chinese).

Zhu Qingzhi (1999). 朱慶之. Fodian yu Hanyu yinyun yanjiu — 20 shiji guonei fojiao hanyu yanjiu huigu zhi yi 佛典与汉语音韵研究—20 世纪国内佛教汉语研究回顾之一 [Buddhist scriptures and Chinese phonetic studies — retrospective of 20th century Chinese Buddhist Chinese studies, part one]. Hanyushi yanjiu jikan 漢語史研究集刊. No. 1. P. 302–320. (In Chinese).

Zhu Qingzhi (2000). 朱慶之. Jing fanyi zhong de fangyi ji qi dui Hanyu cihui de yingxiang 經翻譯中的仿譯及其對漢語詞彙的影響 [Influence of translations of sutras on Chinese vocabulary]. In: Zhonggu jindai hanyu yanjiu 中古近代漢語研究 [Studies in Middle and Modern Chinese]. Shanghai: Shanghai jiaoyu chubanshe. (In Chinese).

Zhu Qingzhi (2013). 朱慶之. R wei A suojian V beidong jushi de liding: qian tan Li Mi zhi suojian-mingzhi R 爲 A 所見 V 被動句式的釐定：兼談李密〈陳情表〉之“所見明知” [Reconsiderations and corrections in the passive verbal model ‘R wei A suojian V’]. Guhanyu yanjiu 古漢語研究. No. 4. (In Chinese).

Zhu Qingzhi, Zhu Guanming (2006). 朱慶之, 朱冠明. Fodian yu Hanyu yufa yanjiu — 20 shiji guonei fojiao hanyu yanjiu huigu zhi er 佛典與漢語語法研究—20 世紀國內佛教漢語研究回顧之二 [Buddhist scriptures and Chinese grammatical studies — retrospective of 20th century Chinese Buddhist Chinese studies, part two]. Hanyushi yanjiu jikan 漢語史研究集刊. No. 9. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 05.08.2025. Received: 5 August 2025.

Принята к публикации: 21.09.2025. Accepted: 21 September 2025.